

КРАКЕН ПРОБУЖДАЕТСЯ

Огромный айсберг, выброшенный на мель приливом, прочно стоял на дне. Холодные волны Атлантического океана разбивались о него, как о скалу, взметая в воздух тучи брызг.

Ослепительно белые утесы на фоне иссиня-черной воды: они были повсюду. Я невольно залюбовался. Мне показалось, что в то утро их было гораздо больше, чем обычно. Ледяные глыбы поменьше плавно раскачивались на волнах, ветер и течение медленно относили их к проливу.

— Думаю, — сказал я, — мне стоит написать... отчет.

— Ты хочешь сказать — книгу? — поправила Филлис, не отрывая взгляда от океана.

— Книгу?! Вряд ли из этого выйдет нечто в коленкором переплете, но, пожалуй, ты права, действительно — книгу, — согласился я.

— Книга — всегда книга, даже если никто кроме автора и его жены никогда ее не прочтет.

— И все-таки не исключено, что кто-нибудь когда-нибудь и прочтет. Я чувствую, мне следует взяться за перо, ведь мы с тобой знаем о случившемся больше, чем кто-либо другой. Есть, конечно, специалисты, в своей узкой области более компетентные, но в целом общую картину мы можем описать куда лучше.

— Без ссылок на документы?

— Если хоть кто-нибудь прочтает книгу и она его заинтересует, он без труда отыщет необходимую документа-

цию, то есть все, что от нее осталось. Я лишь опишу события, как они представляются мне... нам, — поправился я.

— Если рассматривать что-то одновременно с двух точек зрения, ничего путного не получится, — резонно заметила Филлис и плотнее запахнулась в пальто.

Ее дыхание становилось белым облачком пара на холодном воздухе. Мы любовались айсбергами. Их было не счесть сколько, самые дальние угадывались только по белоснежной пене разбивающихся о них волн.

— Книга поможет нам скоротать зиму, — предположила Филлис, — а потом, когда настанет весна, может быть... С чего ты хочешь начать?

— Не знаю, еще не думал об этом, — признался я.

— Мне кажется, тебе стоит начать с той ночи на борту «Джиневры», когда мы увидели...

— Но, дорогая, — возразил я, — еще никто не доказал, что эти явления взаимосвязаны.

— Если ты собираешься подыскивать всему доказательству, то лучше не берись совсем.

— Я начну с первого погружения.

Филлис покачала головой.

— Если читатель опустит что-либо несущественное — это полбеды. Много хуже, если нечто важное опустишь ты сам.

Я насупился.

— Да, я никогда не был убежден, что те болиды... Но, черт возьми, слово «совпадение» и существует потому, что в самом деле существуют совпадения.

— Вот так и напиши. Только начни с «Джиневры».

— Ладно, — уступил я. — Глава первая — «Любопытный феномен».

— Милый, мы живем не в девятнадцатом веке! Я бы на твоём месте разделила книгу на три Фазы. Фаза первая...

— Дорогая, чья это будет книга?

— Конечно, твоя, милый.

— Значит ли это, что она будет принадлежать мне больше, чем моя жизнь, с тех пор, как я встретил тебя?

— Да, милый. Итак, Фаза первая... Ой, посмотри скорей!

Громадная льдина, подточенная водой, откололась от айсберга и, тяжело описав в воздухе дугу, со всего размаха обрушилась в воду, взметнув к небу миллионы сверкающих брызг. Продолжая по инерции вращение, она на какое-то мгновение замерла почти горизонтально и качнулась назад, оставляя за собой искрящийся водяной шлейф. Мы как зачарованные смотрели на затухающие колебания этого гигантского маятника, пока льдина не успокоилась, выставив на обозрение миру другую свою грань.

Филлис вернулась к разговору.

— Первая Фаза, — начала она уверенно, но вдруг остановилась. — Нет, вначале нужен эпиграф — на целую страницу, отражающий самую суть.

— Пожалуй, — согласился я. — Думаю...

Филлис замотала головой.

— Подожди... сейчас... Вспомнила! — обрадовалась она. — Эмили Петифел! Ты о ней, вероятно, никогда и не слышал...

— Совершенно верно, — вставил я. — Мне хотелось бы...

— Это из «Розовой Книги Детства». Вот послушай. — И Филлис, вынув руку из кармана, продекларировала:

— Слишком длинно, дорогая, и, прости, немного не по теме.

— Да, но последние две строчки, Майк, вот эти:

Но что это, мама, ответь мне скорее,

Из моря украдкой выходит на берег?

— Жаль, дорогая, но я вынужден повторить: нет.

— Ты не найдешь ничего лучшего, — обиделась она. — Ну а что у тебя?

— Я имел в виду Теннисона.

— Теннисона?! — поморщилась Филлис.

— Слушай, — сказал я и, в свою очередь, прочитал небольшой отрывок. — Конечно, это не шедевр, но ведь и Теннисон был когда-то начинающим поэтом.

— Мои две последние строчки более точны.

— По букве, но не по духу. И, кто знает, может быть, слова Теннисона, в конце концов, окажутся истиной.

Мы еще немного поспорили, но я так считаю: книга моя, а Филлис, если захочет, может написать свою.

*Под громopodobными волнами
Бездонного моря, на дне морском
Спит Кракен¹, не потревоженный снами,
Древним, как море, сном.
Тысячелетнего века и веса
Огромного водоросли глубин
Переплелись с лучами белесыми,
Солнечными над ним.
На нем многослойную тень рассеял
Коралловых древ неземной раскид.
Спит Кракен, день ото дня жирея,
На жирных червях морских,
Покуда последний огонь небесный
Не опалит Глубин, не всколыхнет вод, —
Тогда восстанет он с ревом из бездны
На зрелище ангелам... и умрет.*

Альфред Теннисон

¹ Сказочное морское чудовище, по преданию, обитавшее у берегов Норвегии. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Фаза первая

Я — истинный свидетель, ты — истинный свидетель, практически все твари божьи — истинные свидетели: ума не приложу, как возникают совершенно различные версии одного и того же события! Я знаю только двух людей, чье описание происшедшего в ночь на 15 июля полностью совпадает, эти двое — Филлис и я. Но так как Филлис — моя жена, люди, по своей простоте, говорят за нашими спинами, будто я повлиял на нее. О, как плохо они знают Филлис!

Итак, время: 23 часа 15 минут; место: 35° широты, 24° западнее Гринвича, круизное судно «Джиневра»; ситуация: медовый месяц — вот факты, не вызывающие сомнений.

Маршрут круиза проходил через Мадейру, Канарские острова, острова Зеленого Мыса и затем круто поворачивал на север, чтобы по пути домой захватить Азоры.

Мы стояли на верхней палубе, облокотясь на перила, вдыхая прохладный ночной воздух. Из салона доносилась заунывная мелодия, красивый баритон страдал от неразделенной любви. Отдыхающие танцевали.

Корабль шел плавно, как по реке. Мы молчали, уставившись в бесконечные просторы моря и неба. Эстрадный певец надрывно стenal за нашими спинами.

— Как хорошо, что я не могу разделить его горе, это было бы ужасно, — пробурчала Филлис. — И зачем тиражировать подобные завывания?

К счастью, мне не надо было отвечать — внимание Филлис неожиданно переключилось.

— Как мрачен и зловещ сегодня Марс, — сказала она. — Хочется верить, что это не дурное знамение.

Я взглянул на красную точку среди мириад белых. Надо признать, в тот вечер Марс действительно был ярок как никогда. Хотя, возможно, все объяснялось тем, что мы находились в тропиках: звезды здесь тоже были совсем другие...

— Да, — согласился я, — хочется верить...

Некоторое время мы молча пялились на красную точку.

— Странно, но, кажется, он увеличивается, — озадаченно заметила Филлис.

Я сказал, что это, скорее всего, галлюцинация. Однако Филлис была права: Марс явно увеличился в размерах, и более того...

— Еще один! Нет, двух Марсов быть не может... — растерялась она.

И тем не менее они были. Вторая точка, чуть меньше первой, мерцала таким же алым светом.

— Еще! Видишь? Там, слева.

— Вероятно, какой-то тип реактивных самолетов, — предположил я.

Точки становились все ярче и все ниже опускались по небосклону, пока не оказались почти над линией горизонта. От них по воде побежала розовая дорожка отраженного света.

— Пять, — насчитала Филлис.

И сколько нас ни просили потом описать эти точки подробнее, мы говорили тогда и продолжаем утверждать сейчас, что установить их точные очертания было невозможно. Равномерно красный, слегка размытый по контуру шар — вот все, что мы тогда разглядели. Попробуйте представить пурпурный источник света, окутанный густым туманом, таким, что образуется довольно отчетливый ореол, и вы получите примерное представление, на что это походило.

Естественно, кроме нас на палубе слонялись и другие отдыхающие, и не мы одни обратили внимание на необычное явление. Но кому привиделись тела сигарообраз-

ной формы, кому — цилиндры, кому — диски, кому, естественно, — блюда; кто усмотрел восемь, кто — девять, кто — дюжину объектов. Мы — пять.

Что же касается ореола, то даже если он и являлся следствием работы реактивных двигателей, приближались объекты сравнительно медленно, и у пассажиров «Джиневры» хватило времени, чтобы сбегать в салон и позвать своих друзей поглазеть на небо. Так что вскоре все перила облепили зеваки, наперебой высказывавшие догадки, — одна лучше другой.

Взметнулось облако розового пара — первый объект с шипением погрузился в воду. Вскоре пар расстелился над водой, потерял розовый оттенок и стал просто белым туманом в лунном свете. Вода в месте погружения бурлила и пенилась. Когда туман рассеялся, на глади моря не осталось ничего, кроме постепенно успокаивающейся воронки.

Следом погрузился второй шар, затем — третий, и, наконец, все пять небесных тел с громким свистом исчезли в море, оставив после себя бурлящие воронки.

На «Джиневре» затрезвонили колокола, корабль изменил курс, и команда приготовилась к спуску шлюпок. Мужская половина пассажиров застыла наготове со спасательными жилетами.

Четыре раза корабль прошел туда и обратно, исследуя район, однако никаких следов аварии мы не обнаружили — море было пустынным и спокойным.

Я в то время являлся штатным сотрудником Ай-би-си¹, поэтому, не раздумывая, я поспешил к капитану, протянул ему свою визитную карточку и объяснил, что на радио наверняка заинтересуются происшедшим.

— Здесь, наверное, опечатка: Би-би-си? — переспросил капитан.

¹ English Broadcasting Company — Английская радиовещательная компания.

Конечно, Ай-би-си тогда уступала знаменитой радиовещательной компании, и мне вечно приходилось давать необходимые пояснения. Заверив капитана, что все напечатано правильно, я добавил:

— Насколько я успел выяснить, у каждого пассажира есть своя версия. Я бы хотел услышать вашу, официальную, чтобы сравнить со своей.

— Неплохая мысль, — согласился капитан, — но начнем с вас.

Когда я закончил, он кивнул и протянул мне вахтенный журнал. В основном наши наблюдения совпадали: объектов — пять и форму их определить невозможно. Я отметил про себя, что все пять тел зарегистрированы радарами и отнесены к разряду НЛО.

— А что вы лично об этом думаете? — спросил я его. — Не наблюдали ли вы нечто подобное раньше?

— Нет... никогда, — как-то нерешительно отозвался капитан.

— Но?

— Хорошо, только не для печати. Видеть — не видел, но мне рассказывали о двух случаях, почти в точности совпадающих с этим. Оба они произошли в прошлом году. Первый раз это случилось ночью — было всего три... болида. Во втором случае — полдюжины, и, несмотря на то что их наблюдали при дневном свете, они выглядели так же, как вчерашние, — размытые красные пятна. И тоже над Тихим океаном, правда, в другой его части.

— А почему не для печати?

— Тогда было всего по два-три свидетеля, а вы сами понимаете... Какой моряк хочет прослыть пустозвоном?! Оба случая, конечно, стали известны, но только среди своих. Мы, так сказать, не столь скептически, как остальные: в море иногда случаются странные вещи.

— Ну, а хоть какое-нибудь объяснение, на которое я смог бы сослаться?